

Н. ГЕНОВ,

ДОКТОР СОЦИОЛОГИИ, ПРОФЕССОР СВОБОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА БЕРЛИНА (ФРГ)

ОТ «ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА» К «СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ»: КОНЦЕПТЫ И РЕАЛИИ*

Анализируется методологический парадокс, обусловленный одновременностью теоретической силы и ограниченности концепта «социальная трансформация». На базе имеющегося эмпирического материала показана разница трансформационных процессов в странах Восточной Европы, рассмотрены структурные и ситуационные причины изменений, а также специфицированы варианты социальной трансформации, характерные конкретным обществам региона.

The methodological paradox stipulated by both the theoretical strength and scantiness of the concept «social transformation» is analyzed. The available empirical material is used to show the difference of transformation processes taking place in Western European countries, examine the structural and situational reasons for change, as well as specify the variants of social transformation that are peculiar for the definite societies in a region.

Концепция перехода к демократии и рыночной экономике только кажется понятной и хорошо изученной. Бесспорно, идея упростить такой переход, предполагая его прямолинейным и типичным, весьма привлекательна. Но реальные процессы оказываются куда более глубокими и сложными. Все очевиднее становится необходимость структурирования, систематического описания и объяснения трансформации, что жизненно необходимо для эффективного управления новыми социальными структурами и процессами. Отметим, что в Восточной Европе рыночные структуры функционируют только с середины 1990-х гг.; с этого же времени демократическая форма принятия решений становится доминирующей в политическом ландшафте. Тогда же заявила о себе эра открытой плюралистической культуры, о чем свидетельствовали признаки грядущего расширения Европейского Союза. Тем не менее нельзя обойти стороной вопрос сложнейшей адаптации восточноевропейского региона к глобальным и региональным процессам. Основные социальные структуры стран Восточной Европы неоднократно трансформировались с 1989 г., оставляя массу открытых вопросов, наличие которых послужило катализатором активизации научного интереса к данной теме. Первым шагом в этом направлении является диагностика ситуации социальной и интеллектуальной сфер того времени.

Еще в 1990 г. Ральф Дарендорф выступил против гипероптимистических прогнозов социальной реструктуризации, которая только началась в регионе. В начале 1990-х гг. никто не мог поверить, что изменения в восточноевропейских странах могут быть завершены в краткие сроки. Опыт, подтвердивший мнение Дарендорфа, показывает, что предвосхищение итогов переходного периода в некоторых восточноевропейских странах было воспринято исключительно как политическая пропаганда. Исследования разноаспектных незавершенных изменений выявили картину, далекую от оптимистической. Факты появления институтов рыночной экономики и демократических практик были «притянуты за уши». В культурном климате региона доминировали разочарованность и крушение иллюзий. Неопределенность

* Перевод с англ. – Е.В. Михайлик, научный редактор – профессор Л.Г. Титаренко.

можно было назвать ведущей чертой всего восточноевропейского региона. Стало совершенно очевидным, что желаемая стабильность рынков, политических институтов и демократических ценностей недостижима в ближайшем будущем. Переходный статус восточноевропейского общества снова стал предметом горячих дебатов.

К этому времени стало обычным иное по сравнению с концом 1980-х гг. восприятие социального пространства исторических событий. Восточная Европа перестала представлять собой гомогенное общество, что поначалу было крайне непривычным. Постепенно пришло осознание того, что регион разделен на вполне автономные части: постсоветские, Центральная Европа, Юго-Восточная Европа, бывшая Югославия, страны Балтии и другие суверенные государства бывшего Советского Союза. Никого уже не удивляло, что каждое общество в регионе сформировало свой вектор развития, свой курс реформирования. В процессе формирования новых отношений с Европейским Союзом и НАТО¹ возникли новые границы между восточноевропейскими странами. В то же время социальное пространство и процессы в восточноевропейском регионе все больше вписывались в контекст прогрессирующей глобализации. Таким образом, сегодня вырабатывается и применяется множество релевантных концепций и подходов к глобализации.

Новые определения времени и пространства продуцировали возрастание интереса к названным проблемам в рамках социальных и политических наук, рождая следующие вопросы: почему не оправдали себя оптимистические прогнозы быстрой трансформации восточноевропейских стран и почему происходящими процессами так сложно управлять? Возникали и вопросы, касающиеся движущих сил изменений, их акторов, а также экономических и политических структур «нового времени». Так, наиболее фундаментальной проблемой изменений оказалась адаптация друг к другу процессов, приводимых в действие возрастающим числом акторов, включенных в обширные сферы деятельности.

В результате опыт 1990-х показал необходимость *пересмотра концепции изменений* в Восточной Европе. Вскоре после их начала стало очевидным, что технологическое отставание Восточной Европы от Западной имеет глубокие исторические корни и не может быть преодолено быстро и просто. Сложность национальной адаптации к глобальной экономической среде подтвердила мысль о том, что технологическое и экономическое отставание будет продолжаться много дольше, чем изначально ожидалось². Напрашивался неизбежный вывод: экономическая эффективность и уровень жизни в обеих частях Европейского континента в обозримом будущем останутся весьма разными, что наглядно показывает развитие двух частей объединенной Германии. В ряде случаев политологи сталкивались с непониманием, например, когда речь заходила о польском или венгерском обществах, которые считались наиболее продвинутыми в плане достижения хороших результатов в ходе постсоциалистической трансформации. В Восточной Европе считалось нормальным и понятным, что коммерциализация всех сфер общественной жизни подорвала моральные и этические ценности. Безработица, обнищание и криминал перечеркнули возможность самореализации и негативно сказались на дальнейшем развитии миллионов людей и больших социальных общностей этого региона. Иерархическая система социальных отношений, основанная на доминировании партийных структур, была заменена на другие формы неравенства, базирующегося на дифференциации дохода и богатства. Это было результатом слишком быстрого реформирования, тут же поставившего под сомнение постсоветские преобразования и породившего культуру выживания и ее социальные эффекты.

Резюмируя, отметим, что казавшиеся понятными цели трансформации, как это декларировалось в начале 1990-х, стали размытыми и неясными

ввиду достаточно сложных и неопределенных процессов преобразования восточноевропейского общества. Следовательно, пришло время выработать и применить более четкий концепт социальной трансформации. В исторической ретроспективе к этому термину относились с определенной долей обобщения. Прошло более двух столетий после Великой французской революции 1789 г., тем не менее и по сей день ведутся споры, что буржуазная революция во Франции – ярчайший пример адекватного употребления термина «социальная трансформация», поясняющий значение концепта³. Распад Советского Союза (начиная с событий осени 1989 г.), затронувший не только Восточную Европу, но и весь мир, может также войти в историю как характерная иллюстрация термина «социальная трансформация». Стало понятно, что продолжающаяся трансформация Восточной Европы заслуживает нового теоретического развития и систематического эмпирического изучения новых концептов⁴.

При поиске объяснительной модели процесса реформирования Восточной Европы аналитик должен быть избирателен. Это время богато на подходы, связанные с понятием культурной травмы. Как и другие популярные идеи, эта концептуальная модель может дать только фрагментарное представление о структурной динамике. То же касается соблазна объяснить сложности экономического и политического развития, ссылаясь на цивилизационные отличия в знаниях и организационных навыках различных стран восточноевропейского региона. Тем не менее имеют место также более обоснованные концепции систематической концептуализации, например, трехуровневая модель, разработанная и внедренная Т.И. Заславской, является вполне релевантной с тех пор, как стало возможным давать полномасштабные операциональные объяснения и проводить многомерный статистический анализ⁵. На самом деле многомерность выступает критическим условием анализа восточноевропейской социальной трансформации. Однако предложенные концептуальные модели могут разительно отличаться⁶.

Одна из причин многообразия предложенных концептуальных моделей – разнообразие видов социальной трансформации. Каждое общество в Восточной Европе презентует свой *специфический* вариант трансформации. Тем не менее сравнительный анализ трансформационных процессов в регионе показывает, что существует ряд опознаваемых общих черт на стартовых позициях, вектор и предварительный результат восточноевропейской социальной трансформации⁷. Эти черты характеризуют исторический тип системных изменений, через которые прошли все постсоветские страны и с которыми они сталкиваются по сей день. Общим знаменателем для них может считаться огромное количество исторических обстоятельств, осложняющих процесс адаптации к глобализационным новациям.

После более чем двадцати лет противоречивой социальной трансформации в Восточной Европе исследователь может быть уверен по меньшей мере в одном: трансформационный процесс идет по различным векторам и презентует различные результаты от страны к стране. Как концептуализировать все это многообразие проблемных ситуаций, изменений и их последствий? Сложность вопроса может быть частично нивелирована, если принять во внимание конструктивистскую стратегию в рамках социальной теории. Такой подход предполагает отказ от попыток найти соответствие между социальными концептами и социальной реальностью. В этом случае социологические концепты понимаются исключительно как *индикативные*, цель которых – объяснение исторических фактов. Этот подход и результаты, полученные с его применением, могут иметь свою собственную ценность. Однако, если необходимо представить систематическое описание и объяснение индивидуальных социальных трансформаций и попытаться теоретически обобщить результаты, развитие и использование индикатив-

ных концептов не будет правильной стратегией. Как бы ни был привлекателен этот подход, он ставит под сомнение возможность развивать обобщенное социологическое знание с разнообразными вариантами объяснений. Правильный подход будет другим и сможет дать адекватный ответ на вопрос: как систематически обновляемое социологическое знание, обладающее высокой степенью объяснительного потенциала, может быть эффективно применено к анализу всё усложняющихся динамических процессов, протекающих в социальной реальности?

Ответ может быть представлен следующим образом: поставленная задача может быть решена посредством объяснительного потенциала социологии относительно концепта, который сможет использовать эвристический потенциал как применительно к исследованию исторических фактов, так и построению теоретических систем.

Концепт должен обеспечить конструктивную свободу и в то же время должен быть основан на стабильном онтологическом базисе. Его введение призвано решить классическую социологическую дилемму относительно ориентаций, решений и действий индивидов и коллективных акторов, таких как социальные организации. То же касается и дилеммы относительно объяснительного потенциала технологических и экономических структур, с одной стороны, и идей – с другой. Присовокупив такой концепт к всевозрастающей важности социальных изменений в построении и использовании социологической абстрактной рамки знаний, желательно сохранить концептуальное пространство для гармоничного соотношения идей изменения и стабильности в социальной жизни. Приведение в соответствие идей спонтанности и организованности – это второй, важный по смыслу момент, так как это также неотъемлемый элемент связи между социальными событиями и социальными структурами. Идея систематического теоретизирования в социологии призвана продуктивно объединить инновации в социологическом знании и определить вектор решений и действий в сфере управления социальной динамикой на глобальном, региональном, национальном и локальном уровнях.

Действия, призванные развить и применить дифференцированный концепт *социального взаимодействия* как ключевого понятия социологического теоретизирования⁸, могут помочь избежать вышеупомянутых сложностей. Такой концепт стратегически совмещает структуралистский и деятельностный теоретические подходы в конструировании социологической теории. Обращаясь к структуралистским терминам, концепт отсылает к четырем подсистемам социума, обозначенным как технологическая, экономическая, политическая и культурная подсистемы. Вдобавок концепт принимает во внимание факт того, что глубинные изменения социетальной системы (социальная трансформация) неминуемо приведут к новому качественному уровню отношений между обществом и его естественным окружением. Таким образом, *структурные измерения* происходящих социальных трансформаций в Восточной Европе могут быть дифференцированы. Придерживаясь такой дифференциации, можно прийти к довольно традиционной схеме задач, которые разрешаются в процессе трансформации, т. е. можно предположить, что существует предварительный порядок изменений подсистем «снизу вверх» (табл. 1), хотя на практике большинство реформ реализуется одновременно.

Во-первых, наиболее злободневным вопросом является распределение и использование властных ресурсов. Сформированная после распада социализма демократическая политическая система качественно противоположна⁹ иерархической, имевшей место в Советском Союзе. Ориентация на политический плюрализм предполагает существенные изменения в структуре и проявлении государственных институтов, а также всех органов, отвечающих за принятие решений и контроль. Наиболее значительным измене-

нием можно считать разделение власти и включение гражданского общества в структуру управления. При этом новые восточноевропейские демократии вынуждены вписываться в международный контекст, в котором доминируют тенденции демократизации, сопровождаемые напряженностью и очаговыми конфликтами.

Таблица 1

Структурные измерения социальной трансформации в Восточной Европе

Глобальные и региональные факторы	Предмет	Задача	Предполагаемый эффект	Глобальные и региональные факторы
→ Дружественное отношение к экологии ← ↕	→	Экологизация	→	Приспособление к глобальной необходимости защиты окружающей среды
→ Технологическая реструктуризация ← ↕	→	Информатизация	→	Приспособление к глобальным информационным технологиям
→ Культурная реструктуризация ← ↕	→	Универсализация	→	Приспособление к глобальным инновациям в культуре
→ Экономическая реструктуризация ← ↕	→	Маркетизация	→	Приспособление к динамике мировых рынков
→ Политическая реструктуризация ←	→	Демократизация	→	Приспособление к глобальной рационализации политики

Во-вторых, восточноевропейские страны столкнулись с новыми образцами экономической организации. Изменения в большей степени затронули собственников производственных активов, но также инвестиции, производство, распределение и снабжение. В историческом контексте ключевым аспектом экономического реструктурирования была и остается адаптация систем национальных экономик к глобализирующемуся рынку товаров, услуг, обмена и труда.

В-третьих, в этих странах процесс изменения ценностно-нормативной сферы во временном аспекте совпал с процессом изменения политических и экономических институтов в сторону культурного плюрализма. Центральным звеном новой системы ценностей является идея признания всеобщности прав человека вкупе с осознанием ценности индивидуальных достижений. Идея программы устойчивого развития подкрепила становление национальных ценностно-нормативных систем.

В-четвертых, производственная инфраструктура трансформировалась в плане создания более эффективных технологических цепочек и образцов участия в международном разделении труда. С точки зрения исторической терминологии это может означать приспособление к динамичным требованиям производства и использования глобально распространяющихся информационных и коммуникативных технологий. Непосредственно перед политическими изменениями восточноевропейские страны были изначально слабо развиты в этом аспекте и по этой же причине в большинстве своем такими же и остаются.

В-пятых, ограничения пределов роста технологического и экономического развития были известны с начала 1970-х гг.¹⁰, поэтому современный

подход к защите окружающей среды стал доступен Восточной Европе только с наступлением периода социальной трансформации. Страны рассматриваемого региона ознакомились с достижениями в сфере экологически дружественных технологий, а также осознали степень влияния технологии и экономики на окружающую среду. Такое изменение сделало возможным развитие локальной культуры в направлении экологически дружественного стиля мышления и поведения.

Процесс трансформации в конкретной сфере деятельности и между ними происходит в контексте региональных и глобальных процессов (см. табл. 1).

Следующий шаг концептуализации касается *измерения деятельности* в процессе социальной трансформации Восточной Европы. При этом главные аналитические концепты отсылают к индивидуальным и коллективным *социальным акторам*, их *взаимодействиям* и *социальным процессам*, в которые они вовлечены. Отметим, что приспособление к более развитым институциональным и поведенческим образцам провоцирует изменения в большинстве *деятельностных характеристик* общества. В период трансформации инвариантно появление **акторов** нового типа. Индивидуальные предприниматели, ответственные за демократические преобразования государственных чиновники, ассоциации гражданского общества становятся прародителями новых форм социальных и экономических отношений и взаимодействий. Проблемы в данном контексте хорошо распознаваемы через конвергенцию и дивергенцию интересов *индивидов* и *организаций*. Другой аспект изменений касается сложности балансирования между *национальными* и *международными* акторами, среди которых назовем Европейский Союз либо Международный валютный фонд. Новые акторы продуцируют и поддерживают новый тип социальных **взаимодействий**. Сейчас акценты смещаются с распределения политической власти на экономическое самовоспроизводство общества, а также с иерархического на ассоциативный тип отношений. Несомненным является факт, что социальная трансформация в Восточной Европе порождает большое разнообразие отношений между *согласованностью* и *конфликтом*, что сопоставимо с традиционной институциональной *иерархией* и динамично институциональной *полиархией*. Новые акторы и отношения также влекут за собой появление процессов, несущих разнообразие ожиданий, желаний, действий и результатов. *Краткосрочные* цели характерны лишь для небольшой части этих процессов, остальные приводят к *долговременным* воздействиям на индивидов, группы и общества. Демаркируя такие процессы, отметим, что первые имеют или будут иметь местное значение, влияя на специфические группы или сообщества, в то время как для вторых будет характерно значительно более широкое геополитическое и даже глобальное значение. Табл. 2 наглядно демонстрирует три деятельностных измерения социальных трансформаций в более широком контексте.

Следовательно, восточноевропейские страны проходят те же стадии ценностно-нормативного и институционального развития, что и развитые страны Восточной Европы и Северной Америки после Второй мировой войны. Политическая жизнь в регионе сегодня напоминает период становления плюрализма и процесс развития демократии в развитых странах. В «старых» и «новых» формах демократии политическая жизнь сфокусирована на взаимодействии групповых интересов. Необходимым условием организационной эффективности и международной конкуренции восточноевропейских национальных экономик является ориентация на мировые стандарты, установленные странами с развитой экономикой. Плюралистическая культура современных или постмодернистских западных цивилизаций укореняется также на культурной почве Восточной Европы. Это подразумевает неизбежность ценностно-нормативного и институционального базиса меритократии, когда положение человека в обществе определяется его способностями.

ми, что напрочь игнорировалось при социалистической системе. Как результат, трансформация призвана поднять технологический и инфраструктурный уровень стран Восточной Европы так, чтобы он был сопоставим с аналогичным уровнем Западной Европы.

Таблица 2

Деятельностные измерения социальных трансформаций				
Глобальные и региональные факторы	Измерение	Задачи	Эффекты	Глобальные и региональные факторы
→	Акторы	→ Инициатива и ответственность	→ Конкуренция	←
→	Отношения	→ Баланс иерархии и полиархии	→ Образованная элита	←
→	Процессы	→ Эффективное распределение ресурсов	→ Инновации	←

Сложный концепт социальной трансформации в Восточной Европе включает в себя весь комплекс происходящих процессов в регионе вкупе с сопутствующим им состоянием неопределенности и рисков. Данный концепт не имеет ничего общего с допущением касательно линейности или инвариантной прогрессивности этого процесса. Наоборот, подчеркиваемое допущение подразумевает возможность как успешности, так и провала трансформации восточноевропейских стран. Мы являемся свидетелями успешной адаптации национальных систем восточноевропейского региона к одним мировым процессам и полного краха в адаптации к другим¹¹. Определенные социальные группы, характеризующиеся конкретным возрастом и вовлеченностью в особые сферы деятельности, как и определенные организации, могут приспосабливаться удачно, в то время как другие – нет.

Принимая во внимание уровень организационного развития восточноевропейских обществ в начале 1990-х гг., можно предположить, что постсоциалистическая трансформация восточноевропейских стран организуется в форме контролируемых социальных инноваций. Схожие процессы в Восточной Германии, Чешской Республике или Словении проходили по идентичному образцу. В большинстве восточноевропейских стран установились влиятельные неолиберальные взгляды и политика спонтанной рыночной экономики, тем более что неолиберализм был доминирующей мировой идеологией в конце 1980-х и начале 1990-х гг. Таким образом, организационные образцы социальной трансформации отличались в них от образца организационных изменений. Трансформация также проходила в контексте мирового кризиса в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Последствия более глобального кризиса последних двадцати лет пока сложно оценить.

Иные обстоятельства касаются взаимоотношений стран бывшего социалистического лагеря. Культурное и институциональное наследие социализма значительно более влиятельно, чем предполагалось в начале 1990-х. Исследования показали, что уравнивательные принципы социалистической системы согласуются с экономическими и политическими предпочтениями большинства населения восточноевропейских стран. Такие предпочтения идеализировали государственный социализм и по сей день вызывают ностальгию по советскому времени, что в свое время ошеломило Центральную Европу в середине 1990-х гг.¹² В октябре 2007 г., по данным репрезентативных исследований, 35 % респондентов Российской Федерации наилучшей считали советскую политическую систему¹³. Такие результаты сбивают с толку социологов и политиков не только восточноевропейских государств. Иными словами, ценности, нормы и стиль мышления и поведения, унаследованные от постсоциалистической эпохи, по сей день влияют на экономическую, политическую и повседневную жизнь восточноевропейских стран.

Это долговременное влияние объясняется предпочтением высокой степени социальной защищенности. Кроме того, радикальный криминализм предыдущих десятилетий спровоцировал критический анализ жизни двух поколений. Негативное отношение к новым структурам и процессам было также усилено живыми примерами неспособности новой элиты управлять сложными трансформационными процессами: в ряде случаев она была еще менее социально ответственна, чем элита перед эпохой изменений.

Граждане восточноевропейских стран были вынуждены признать, что институты рыночной экономики и политической демократии не могут быть скопированы у Запада без должной местной адаптации. Во многих аспектах процесс адаптации был болезненным, в частности, это касается ряда реформ, регламентирующих отношения типа «верхушка – низы» и «низы – верхушка», а также определяющих роль гражданского общества и государства.

Сложности объясняются также тем, что институциональные образцы в Западной Европе и Северной Америке вписаны в контекст ускоряющейся глобализации. Таким образом, восточноевропейские государства оказались под двойным прессом: вопрос решения проблем трансформации в Восточной Европе идет параллельно с решением проблем в более развитых обществах¹⁴.

Многообразные модели реформирования Восточной Европы после 1989 г. были систематизированы в Европейском Союзе. Заимствованные институциональные образцы способствовали быстрой адаптации Восточной Европы и ее включению в мировой контекст и глобальную информационную эпоху¹⁵.

Европейский Союз расширился в восточном направлении, приняв ряд стран бывшего социалистического лагеря в свою структуру. Этот процесс идет значительно медленнее, чем многие полагали в начале восточноевропейской трансформации. Тем не менее реализованы внушительные программы, цель которых – обеспечить благоприятные условия дальнейшей европейской интеграции. Однако адаптация восточноевропейских стран к интеграционным схемам Евросоюза ни в коей мере не гарантирует решения проблемы адаптации этих стран к изменяющимся глобальным условиям. Европейская интеграция – лишь часть вызова глобализации, порождающего массу вопросов. Как агрокультурный сектор восточноевропейского региона изменится под влиянием интеграционных процессов? Как смогут перестроиться предприятия энергетической промышленности? Каково будущее общечеловеческого развития восточноевропейских стран, столкнувшихся с изменяющимися экономическими, политическими и культурными условиями европейской интеграции? Каковы перспективы восточноевропейских стран, которые останутся вне интеграционного процесса в течение, как минимум, обозримого будущего?

Сложность и относительность ответов на такие вопросы можно рассмотреть на примере изменения венгерских экономических и политических институтов¹⁶. Ряд иных вопросов может быть обозначен как проблемы интеграции Российской Федерации и ее новые позиции в континентальной и мировой геополитике¹⁷. Будущее Западно-Байкальского или Балтийского региона также вызывает споры в контексте европейской интеграции и глобальных изменений. Важно сфокусировать внимание на проблеме развития демократических политических институтов и гражданского общества в Восточной Европе в сравнительном международном анализе¹⁸. На самом деле и в настоящее время сильна тенденция неопределенности в аспекте долгосрочного прогнозирования социального, политического и культурного развития восточноевропейского региона. Многовекторность реструктуризации региона свидетельствует о надежности потенциала удачного исхода, но в то же время предупреждает о возможности фиаско в вопросе принятия внутренних и внешних решений правительствами восточноевропейских стран.

Процесс характеризуется положительной динамикой, но и всевозрастающими рисками. Главные риски в экономической, политической и культурной сферах еще впереди. При этом необходимо учитывать, что региональные проблемы накладываются на проблемы времени и пространства, а также возрастающей неопределенности глобальной экономики, политики и культуры.

Некоторые аспекты социальной трансформации Восточной Европы могут быть проиллюстрированы ранжированием восточноевропейских стран в сопоставительном анализе. Сравнения подчеркивают существенные различия между западноевропейским ядром современной цивилизации и континентальной периферией или полупериферией. Данные, иллюстрирующие позицию восточноевропейских стран, различны, но общая картина достаточно ясна. В среднем положение вещей существенно разнится в сопоставлении с основными параметрами развитого австрийского общества, с одной стороны, и развивающегося египетского общества – с другой¹⁹ (табл. 3).

Таблица 3

ВВП на душу населения (2005 г.) и рейтинг по ИРЧП восточноевропейских стран

Страна	ВВП на душу населения, долл. США	Рейтинг по ИРЧП
Австрия	33,700	15
Египет	4,337	112
Албания	5,316	68
Армения	4,945	83
Беларусь	7,918	64
Болгария	9,032	53
Хорватия	13,042	47
Чешская Республика	20,538	32
Эстония	15,478	44
Грузия	3,365	96
Венгрия	17,887	36
Латвия	13,646	45
Литва	14,494	43
Македония, ФР	7,200	69
Молдова	2,100	111
Польша	13,847	37
Румыния	9,060	60
Российская Федерация	10,845	67
Словакия	15,871	42
Словения	22,273	27
Украина	6,848	76

Несмотря на различие представленных показателей, нельзя не выделить ряд общих тенденций в протекающих в странах Восточной Европы процессах. Эти общества вынуждены отвечать на вызовы технологической модернизации, маркетизации, возрастающей мировой политической независимости и ценностно-нормативной универсализации. Экономические показатели и национальная политика в каждой стране региона отражают решение ею ряда проблем. В результате мы видим пеструю палитру возможных вариантов национальной трансформации, что иллюстрируется динамикой ВВП восточноевропейских стран²⁰ (табл. 4).

Чем можно объяснить такой разброс данных? Ответ на этот вопрос представляет собой главный вызов социологии в контексте исследования трансформации. Появляются различные версии объяснения. Одной из наиболее популярных версий считается следующая. Исходные различия в технологических, политических и ценностно-нормативных условиях трансформации детерминировали и детерминируют *траекторию зависимости* в конкретных восточноевропейских странах. Важным является вопрос *качества стратегических решений* национальными элитами, которое, в свою очередь, зависит от специфики развития стран в течение длительного периода времени. Другим возможным объяснением может служить различная

степень готовности восточноевропейских стран войти в состав Европейского Союза. Мотивационный и дисциплинарный эффект и результат, который можно достичь при вхождении в состав Европейского Союза, сам по себе является мощным объяснительным фактором.

Таблица 4

Динамика реального ВВП в странах Восточной Европы в 1980, 2008 гг. (1989 г. = 100), у. е.

Страна	1980 г.	2008 г.
Албания	79,4	159,2
Армения	73,5	156,4
Беларусь	65,7	155,2
Болгария	76,2	113,6
Хорватия	99,0	114,6
Чешская Республика	—	141,2
Эстония	74,5	153,7
Грузия	79,4	61,6
Венгрия	86,3	136,5
Латвия	68,5	125,6
Литва	64,7	120,1
Македония, ФР	93,3	101,2
Молдова	—	56,3
Польша	91,1	175,2
Румыния	88,5	128,6
Российская Федерация	78,1	109,6
Словакия	—	162,1
Словения	98,9	119,9
Украина	75,0	73,5

Наконец, специфика геополитической ситуации стран Восточной Европы и их взаимоотношения со Всемирным банком, Международным валютным фондом и Всемирной торговой организацией, как и с другими международными институтами, существенно, но в разной степени повлияли на их трансформацию.

Правомерны все приведенные объяснения, а их отправной точкой может быть акцент на различиях национальных трансформаций и их характере. Опыт трансформации является уникальным и для самих ее участников. Тем не менее трансформационные векторы восточноевропейских стран во многом совпадают. Достаточно хотя бы поверхностно сравнить процессы трансформации в Польше и Болгарии, чтобы увидеть общие тенденции. Польша – показательный пример центральной части восточноевропейского региона. Болгария – типичный представитель его южной части. Сравнение аспектов социальной трансформации в этих странах является особенно интересным в силу того, что упомянутые государства презентовали поразительно похожие показатели человеческого развития незадолго до эпохи преобразований (табл. 5)²¹.

Таблица 5

Показатели человеческого развития в Болгарии и Польше в конце 1980-х гг.

Показатель	Болгария	Польша
Доля городского населения, %	69,0	62,0
Доля трудовых ресурсов в производстве (1985–1987), %	37,9	38,9
Процент женщин в трудовых ресурсах страны (1988), %	46,3	45,5
Реальный ВВП на душу населения (1987), долл. США	4750,0	4000,0
Комбинированный индекс посещаемости начальной и средней школ (1986–1988, N = 100), %	98,0	98,0
Ожидаемая продолжительность жизни (1987), лет	72,0	72,0
Младенческая смертность на 1000 рожденных (1988)	15,0	16,0

Указанные сходства могут быть объяснены идентичными образцами развития, принятыми к действию обеими странами после Второй мировой войны. В них одновременно проходили этапы индустриализации, начиная с приоритетного развития сельского хозяйства и скрытой безработицы на се-

ле. Для обоих государств было характерно жесткое директивное годичное и пятилетнее планирование – прототип организационных схем советской индустриализации. Развитие тяжелой промышленности шло в ущерб производству потребительских товаров. В контексте форсированной индустриализации послевоенные десятилетия сопровождались резким ростом городского населения. Увеличение имущих слоев населения происходило медленно. Достижения Польши и Болгарии в образовательной сфере и с точки зрения доступности медицинских услуг в послевоенный период четко просматриваются в международных сравнительных исследованиях.

Культурным базисом этого развития была общая уравнительная идеология, которая претерпела массу изменений с течением времени. Главной причиной изменений стало признание возрастающего дефицита социальных и экономических институтов в странах восточноевропейского региона в послевоенный период. Сконцентрировавшись на мобилизации ресурсов в сфере индустриализации, такой тип экономико-политической организации становился все менее способным справиться с вызовами усложняющегося производства, распределения и потребления. Затянувшаяся централизация принятия экономических и политических решений явилась ключевым фактором в формировании вектора социального развития.

Таким образом, после успешной индустриализации, минимизировавшей экономические различия между восточноевропейскими государствами и высокоразвитыми странами, в середине 1970-х гг. стал очевиден факт огромного технологического отставания Восточной Европы. Экономика, политика и культура указанного региона не смогли адаптироваться к нефтяным шокам 1973 и 1979 гг., которые указали на необходимость перехода к энергосберегающей промышленности и развития информационных технологий. Политическое решение августа 1968 г. о подавлении реформистского движения в Чехословакии было глобальной исторической ошибкой со значительными последствиями. Это решение перечеркнуло очевидную необходимость инноваций в сферах политики и экономики. Вопреки ожиданиям в течение 1970-х гг. темпы роста экономики в восточноевропейском регионе оставались очень медленными, а сфера политики переживала этап стагнации.

Социальный взрыв, вызванный возрастающим разочарованием и социальной напряженностью, воплотился в движении «Солидарность» в Польше в 1980 г. Болгарское общество в то время еще было не готово к подобному типу изменений. Почему же идентичные институциональные процессы, характеризовавшие развитие обеих стран после 1945 г., привели к таким разным результатам с начала 1980-х до конца 1990-х гг. Ответ можно искать в различных национальных традициях или в специфике национальной социальной психологии. На самом деле глубинная суть куда более сложная и затрагивает фундаментальные социальные структуры.

Польша лишь частично следовала институциональной модели экономической, политической и культурной централизации, которая доминировала в Восточной Европе после Второй мировой войны. Сельскохозяйственный сектор в Польше оставался в основном частным и хорошо адаптированным к централизованной экономической модели. Такое положение вещей можно рассматривать как наличие институционального пространства для индивидуального предпринимательства и в иных сферах экономики в течение всего послевоенного периода. Римско-католическая церковь была влиятельным институтом, который отвоевал право автономии даже в эпоху государственного социализма. Многие поляки, живущие за границей, поддерживали экономические, политические и культурные связи с родиной. Ввиду значимости этих исторических и геополитических причин Запад был весьма заинтересован в Польше и максимально включался в развитие национальных процессов в государстве. В то же время существовали глубокие историче-

ские причины, лимитирующие возможность оказания действенного влияния Советского Союза на развитие польского государства.

Вмешательство Советского Союза в дела Польши вылилось в открытый конфликт 1980–1981 гг. между ПОРП и объединенной оппозицией, что привело к социальной изоляции правящей элиты, ее победе на референдуме 1988 г. Это имело глубокую историческую значимость с наступлением волны изменений в 1989 г. во всей Восточной Европе²². Таким образом, решение Польши легализовать деятельность движения «Солидарность» сыграло значительную роль в развитии новейшей истории стран Восточной Европы, которая может быть сопоставлена с процессом перестройки в Советском Союзе.

Ничего подобного не могло произойти в Болгарии в течение десятилетия до 1989 г. По национальным и международным причинам силы, приводящие в действие трансформационные процессы в Болгарии после 1944 г., смогли завоевать широкую общественную поддержку. После тотальной социализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства возможности заниматься индивидуальным предпринимательством были минимальными и подконтрольными государству. К концу 1940-х гг. все институты страны были взяты под централизованный политический контроль государства. Исторические традиции способствовали официальной политике сближения Болгарии с Советским Союзом. В силу этого, а также по геополитическим соображениям попытки Запада спровоцировать изменения болгарского общества были значительно менее интенсивными в сопоставлении с аналогичными действиями относительно Польши. В дополнение к этому в Болгарии не было политических сил, лоббирующих прозападные интересы. По этим причинам никакого движения, даже отдаленно напоминающего движение «Солидарность», не могло возникнуть в Болгарии до 1989 г. Кроме того, слабость оппозиции привела к тому, что на начальном этапе трансформации болгарского общества реальная инициатива изменений могла принадлежать исключительно официальной государственной партии²³.

Несмотря на существенные различия в выражении конфликтного потенциала польского и болгарского обществ, в начале 1990-х гг. они следовали по одному пути изменений. Философия либерализации цен, характеризующая экономическую политику Польши после января 1990 г. и Болгарии после февраля 1991 г., может быть охарактеризована как неолибералистская тенденция, породившая оптимистические ожидания в обеих странах, что «большой взрыв» быстро и эффективно придаст экономике новые институциональные формы. Ввиду политической ситуации моментальные реформы были невозможны ни в Польше, ни в Болгарии. Приватизация больших промышленных предприятий длилась около 10 лет. Ожидания быстрого экономического подъема были неоправданными. Трансформационный шок спровоцировал экономическую, политическую и ценностно-нормативную неопределенность. В течение первых пяти лет с начала изменений Польша и Болгария переживали похожие политические сложности, конфликты государственных институтов и возрастающее недоверие к власти, не способной справиться с вызовами трансформации²⁴. Экономическая и политическая турбулентность стала катализатором фактически одновременного прихода к власти левых сил в обеих странах в середине 1990-х гг. И хотя векторы экономического и политического развития в них различались, картина массовой безработицы выглядит вполне идентичной для обеих стран²⁵.

Наблюдаются также существенные различия в постсоциалистических трансформациях обеих стран. В 1990-х гг. ценностно-нормативный базис польского населения сместился к признанию принципов нового социального порядка²⁶. К этому моменту в стране практически не оставалось противоречий относительно геостратегической ориентации внешней политики. Такая однозначность была щедро вознаграждена значительным списанием внеш-

него долга польского государства. В Восточной Европе не происходило ничего подобного. Программа Европейского Союза PHARE (первая программа поддержки трансформации в Восточной Европе. – *Примеч. пер.*) начиналась как программа экономического содействия в первую очередь Польше и Венгрии, причем поддержание польской экономики являлось приоритетной задачей. Благодаря влиянию упомянутых внешних и внутренних факторов польская экономика смогла пройти развитие по модели J-кривой (кривая, отражающая динамику торгового или текущего баланса после девальвации национальной валюты; обычно напоминает по форме букву J: вначале в ответ на девальвацию баланс ухудшается, а затем постепенно улучшается. – *Примеч. пер.*), достигнув оптимистической фазы развития уже к середине 1990-х гг., когда обсуждались экономические условия, позволяющие Польше войти в состав Евросоюза. Отметим, что такие условия способствовали в основном развитию сельскохозяйственного сектора экономики страны.

В силу истории и традиций болгарскому обществу понадобилось значительно больше времени, чтобы выработать целостное видение средств и последствий трансформации, а также геополитической ориентации страны. Этот процесс тщательно анализировался за границей. Реакция населения Болгарии на трансформационный процесс кардинально отличалась от реакции населения Польши. Болгария присоединилась к программе PHARE, но это произошло значительно позже и степень ее участия была ограничена. В то время, когда болгарская экономика начала реанимироваться, страна не получала никакой финансовой поддержки из-за рубежа, так как такая поддержка расценивалась международными финансовыми институтами как неэффективная. Так, ввиду различия в геостратегическом взаимодействии с Западом, а также неадекватности местных управленческих решений относительно полной либерализации банковской сферы страна столкнулась со второй волной экономической рецессии в середине 1990-х гг. Постепенная стабилизация в Болгарии экономики, политики и культуры стала возможна только после создания в 1997 г. Валютного комитета. Однако из-за множества ошибок уровень ВВП 1989 г. был достигнут только в 2006 г.

Очевидно, что стратегия экономического реформирования была лучше разработана и осуществлена в Польше, чем в Болгарии. В то же время качество управленческих решений, касавшихся трансформации, в Болгарии было значительно ниже. Хотя нужно понимать, что это лишь поверхностный анализ и существовала масса причин, детерминирующих те или иные решения. Для обеих стран был характерен дефицит, что становилось очевидным в попытке совладать с вызовами трансформации. Все сферы деятельности и все акторы постсоциалистических стран были вынуждены пройти крайне интенсивный период социального обучения. Такой процесс не мог быть быстрым и легким, как полагали многие в начале трансформации. Условия социального обучения были лучше в Польше, чем в Болгарии.

Благодаря либеральной миграционной политике Польши в период десятилетия до 1989 г., а также хорошим условиям на Западе для людей, занимающихся наукой, ряд польских ученых и рабочих сами увидели примеры рыночной экономики и демократической политики в Западной Европе и Северной Америке. Л. Бальцерович и многие другие имели возможность развивать свое видение будущего Польши в Западной Европе до 1989 г. и апробировать свои взгляды на реальных трансформационных процессах в Польше после начала изменений. В одной только Западной Германии в 1980-х гг. учились или работали около миллиона поляков. Их профессиональный и жизненный опыт стал значительным подспорьем в процессе трансформации польского общества. В отличие от Польши болгарская властвующая элита не могла положиться на опыт высокоразвитых стран с развитой экономикой и демократической политикой. Такой цивилизационный дефицит наблюдался и в среде болгарских управленцев и рабочих, которые

не обладали необходимым уровнем знаний о современной трудовой культуре и организационных аспектах трудовой деятельности.

Более детальный анализ названных различий должен принимать во внимание положение Болгарии в географическом, политическом и культурном пространстве. У Польши есть реальное преимущество – географически, стратегически и исторически она всегда была ближе к Западной Европе. Болгария значительно уступает Польше во всех аспектах. Кроме того, кризис в бывшей Югославии в немалой степени поспособствовал общей нестабильности в Юго-Восточном регионе континента. Такое положение вещей существенно снизило привлекательность Болгарии для зарубежных инвесторов. Общественное же мнение Польши выступало за налаживание плотного сотрудничества с Западом. В Болгарии культурные предпочтения гораздо сложнее. Все эти факторы, а также затянувшиеся экономические реформы объясняют низкий уровень прямых инвестиций в Болгарию в 1990-е гг. в сравнении с инвестициями в Польшу²⁷. Тем не менее позже ситуация изменилась, что было связано с «поглощающей» способностью обоих государств и изменением политики инвесторов²⁸.

Таблица 6

Прямые внешние инвестиции в Болгарию и Польшу, тыс. долл. США на душу населения

Год	Болгария	Польша	Год	Болгария	Польша
1990	0,5	0,0	2000	123,2	241,6
1991	6,5	3,1	2001	101,7	150,4
1992	4,9	7,4	2002	112,3	101,1
1993	4,7	15,1	2003	265,4	112,1
1994	12,5	47,8	2004	369,1	307,9
1995	11,7	93,7	2005	519,8	234,3
1996	16,6	115,2	2006	952,3	281,5
1997	61,0	125,7	2007	1072,8	471,8
1998	65,5	156,3	2008	1068,1	360,5
1999	97,8	187,1	–	–	–

Таким образом, на основе изложенного можно сделать ряд выводов.

Во-первых, опыт Болгарии и Польши демонстрирует, что трансформация в регионе, как и в каждой отдельно взятой стране, – процесс сложный, требующий большой «социальной цены». Главная причина такого заключения – признание факта, что изменения затронули одновременно все сферы деятельности в ходе всего периода трансформации.

Во-вторых, разница трансформационных процессов в странах Восточной Европы обусловлена различными структурными (*путь развития*) и ситуационными причинами (*качество решений*). С точки зрения социальной науки наиболее адекватный подход к разнообразию национальных трансформаций заключается в тесном взаимодействии обоих факторов, а также их уникальных комбинаций в контексте локальных обстоятельств. Есть еще и третий детерминирующий фактор – речь идет о глобальном и региональном влиянии, которое может стимулировать вектор социальной трансформации.

В-третьих, различие самих восточноевропейских обществ обусловило их специфический путь к европейской интеграции. Значительные внешние инвестиции в польскую экономику явились своего рода репетицией быстреешего развития ирландского общества. Другие страны Восточной Европы могли следовать по пути развивающихся стран, именуемому синдромом Южной Италии. Естественно, это нежелательный вариант развития событий для многих стран мира.

Проанализировав представленные национальные, региональные и глобальные исторические обстоятельства, каждый понимает одновременную теоретическую силу и ограниченность концепта «социальная трансформация». Это одна из наиболее сложных концептуальных моделей изучения структуры и динамики современных обществ. Сильная сторона такой моде-

ли заключается в том, что социальные изменения все еще происходят в рамках обществ, организованных в национальные государства. Ее ограниченность – в том, что движущие силы социетальных изменений являются и движущими силами межнациональной глобализации. Общества вынуждены адаптироваться к изменениям, которые представляют собой результат глобального технологического разделения труда, участвовать в глобальной экономической конкуренции, глобальной политической неопределенности, попытаться справиться с ней, равно как и адаптироваться к процессам глобальной конвергенции и дивергенции в культурной сфере. Таким образом, существует насущная необходимость преодолеть ограниченность «методологического национализма», который теоретически является составной частью концепции социальной трансформации.

Как может быть осуществлен этот методологический и теоретический переворот? Начать можно с переориентации основного вектора: сбора, обработки и использования информации. Очевидно, что основные мировые системы сфокусированы непосредственно на этих процессах. Но почему они столь значимы? Ответ прост: сбор, обработка и использование информации жизненно необходимы для понимания и адекватного внедрения решений индивидуальных и коллективных акторов. Если анализировать современность в терминах социальной относительности, то нельзя не признать тот факт, что удельный вес действий, производимых современными организациями как коллективными акторами, сейчас значительно выше, чем аналогичные действия отдельных индивидов. Обобщая, скажем, что все индивидуальные действия сегодня формируются контекстом функционирования формальных организаций. Для чего им нужна информация? Для принятия обоснованных управленческих решений, их внедрения и контроля внедрения, включая оценку результатов. Таким образом, факт вездесущности формальных организаций обуславливает необходимость во все больших массивах информации все лучшего качества для того, чтобы обеспечить постоянный *рост их организационной рациональности*. В основном этот принцип распространяет свое действие и на индивидуальных акторов. Тем не менее обозначенный процесс характерен для институциональных изменений все более дифференцированных социальных сфер в разрезе автономного функционирования, принятия решений и действий индивидов. По сути, это процесс *индивидуализации*, определяемый двумя взаимодополняемыми процессами, первый из которых касается социоструктурных изменений в условиях осуществления индивидуальных действий, а второй – информативного качества подготовки и осуществления действий индивидов.

Какие стратегические ориентации действий индивидов и коллективных акторов существуют в современном мире? Речь идет не о воображаемой ориентации на выживание, а о вполне реальном стремлении найти эффективные средства завоевания природного и социального мира. Это вполне институционализированный вектор повышения эффективности воздействия на мир. Такой процесс может быть назван *распространение инструментальной активности*, являя собой часть иной тенденции – *универсализации ценностно-нормативной системы* прав человека и устойчивого развития мира.

Таким образом, следующим вектором исследований и анализа будет доказательство того, что трансформационные процессы постсоциалистической Восточной Европы могут быть наиболее адекватно описаны четырьмя упомянутыми глобальными тенденциями²⁹. Рассмотренные концепты должны быть доработаны и применены к анализу трансформационных процессов в восточноевропейских странах.

¹ См.: Bömer J., Marcel V. Osteuropa heute: Entwicklungen – Gemeinsamkeiten – Unterschiede. Münster, 2007.

² См.: Berend I. Long-Term Structural Changes in Transforming Central & Eastern Europe (The 1990s). München, 1997. P. 12.

³ См.: Stone B. Reinterpreting the French Revolution: A Global-historical Perspective. Cambridge; New York, 2002; Kates G. The French Revolution: Recent Debates and New Controversies. New York; London, 2006.

- ⁴ См.: Ядов В. А. Теоретико-концептуальные объяснения «посткоммунистических» трансформаций // Плотников Н. А., Попова И. П. Россия реформирующаяся. М., 2007. С. 13–23.
- ⁵ Там же. С. 19–20.
- ⁶ См.: Thomas M. Transformation – Hypertransformation – Transformation? Drehen wir uns nur im Kreis? // Binas E. Hypertransformation. Bern, 2008. С. 185–206.
- ⁷ См.: Bertelsmann Transformation Index 2008. Gütersloh, 2008. С. 92–110.
- ⁸ См.: Genov N. A Strategy for Developing General Sociological Theory // International Review of Sociology. 1989. № 2. С. 156–183.
- ⁹ См.: Dahl R. On Democracy. New Haven, 1989.
- ¹⁰ См.: Meadows D., Randers J., Meadows D. The Limits to Growth. White River Junction, Chelsea Green Publishing Company. 2004.
- ¹¹ См.: Rüb Friedbert W. Warum scheitern Transformationen? Ein Versuch über das ehemalige Jugoslawien. Münster, 2007.
- ¹² См.: Machonin P. Social Transformation and Modernization. Praha, 1997. P. 28–30.
- ¹³ См.: Russian Public Opinion 2007. Moscow, 2008. P. 20.
- ¹⁴ Genov N. Upgrading the Rationality of Organizations. Berlin, 2007.
- ¹⁵ Castells M. End of Millenium. Oxford, 1999. P. 336.
- ¹⁶ См.: Ferencz A. Implementing the Lisbon Strategy: Social Policy in the EU and Hungary // Ferencz A., Mocsári J. Public Policy Making in the EU after Enlargement. Budapest, 2007. P. 127–239.
- ¹⁷ См.: Заславская Т. И. Современное российское общество. М., 2004.
- ¹⁸ См.: Eliaeson S. Building Democracy and Civil society East of the Elbe. London; New York, 2006.
- ¹⁹ См.: Human Development Report 2007/2008. New York, 2007. P. 229.
- ²⁰ См.: Economic Survey of Europe. Geneva: UNECE. 2004. № 1. P. 190; EBRD Statistics: <http://www.ebrd.com/country/sector/econo/stats/sei.xls>, 30.04.2009.
- ²¹ См.: Human Development Report. Oxford; New York, 1999. P. 128.
- ²² См.: Adamski Wl.W., Buncak J., Machonin P., Martin D. System Change and Modernization. East-West in Comparative Perspective. Warszawa, 1999. P. 69.
- ²³ См.: Genov N. Bulgarian Society 1960–1995: The Challenge of Two Transformations // Genov N., Krasteva A. Recent Social Trends in Bulgaria 1960–1995. Montreal, 2001. P. 1–32.
- ²⁴ См.: Best H., Becker U. Elites in Transition. Opladen, 1997. P. 13, 91.
- ²⁵ См.: EBRD Statistics: <http://www.ebrd.com/country/sector/econo/stats/sei.xls>, 04.05.2009.
- ²⁶ См.: Domanski H., Andrzej R. Elementy nowego ladu. Warszawa, 1997.
- ²⁷ См.: For the differences in the investment policies in Eastern Europe Drahokoupil, Jan. Globalization and the State in Central and Eastern Europe: The Politics of Foreign Direct Investment. London; New York, 2009.
- ²⁸ См.: Расчеты автора по данным Европейского банка реконструкции и развития: <http://www.ebrd.com/country/sector/econo/stats/sei.xls>, 30.04.2009.
- ²⁹ См.: Genov N. Four Global Trends: Rise and Limitations // International Sociology. 1997. № 4. С. 409–428.

Поступила в редакцию 21.09.09.